

COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME
EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

ДЕЛО AKDENİZ v. ТУРЦИЯ

(Заявление № 25165/94)

ПРИГОВОР

СТРАСБУРГ

31 мая 2005 г.

ФИНАЛЬНЫЙ

31.08.2005

Это решение станет окончательным при обстоятельствах, изложенных в пункте 2 статьи 44 Конвенции. Он может быть подвергнут редакционной доработке.

В деле Akdeniz v. Турция,

Европейский суд по правам человека (Четвертая секция) заседает Палатой в составе:

сэр Николас БРАТЦА, Президент,
Мистер Дж. CASADEVALL,
Мистер М. ПЕЛЛОНПЯЯ,
Мистер Р. МАРУСТЕ,
Мистер К. ТРАЈА,
Г-жа Л. Мийович,*судьи*,
Мистер Ф. Гельчюкю, судья ad hoc,
и г-н М. О'Бойл, Секретарь Секции,
Обсудив наедине 10 мая 2005 г.,
Выносит следующее решение, которое было принято в этот день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было возбуждено в жалобе (№ 25165/94) против Република из Турция подана в Европейскую комиссию по правам человека (далее «Комиссия») в соответствии с бывшей статьей 25 Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») гражданкой Турции г-жой Мевлюде Акдениз («заявитель»), на 18 августа 1994 г..

2. Интересы заявителя представлял Марк Мюллер, адвокат, практикующий в г.Лондон. Правительство Турции («Правительство») не назначило агента для целей разбирательства в Суде.

3. Заявительница утверждала, в частности, что ее сын Мехди Акдениз был взят под стражу военнослужащими, прибывшими в ее село 20 февраля 1994 г., и что с тех пор от него ничего не было слышно. Она сослалась на статьи 3, 5, 6, 13 и 14 Конвенции.

4. Жалоба была объявлена приемлемой Комиссией 1 декабря 1997 г. и передана в Суд 1 ноября 1999 г. в соответствии со вторым предложением пункта 3 статьи 5 Протокола № 11 к Конвенции, поскольку Комиссия не завершила рассмотрение жалобы. дело к этой дате.

5. Жалоба была передана в Первую секцию Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Суда). В рамках этой секции Палата, которая будет рассматривать дело (пункт 1 статьи 27 Конвенции), была сформирована в соответствии с пунктом 1 правила 26. Г-н Риза Тюрмен, судья, избранный в отношении Турции отказался от участия в рассмотрении дела (Правило 28). Соответственно, Правительство назначило профессора Фейяза Гельчюкю в качестве судьи ad hoc (пункт 2 статьи 27 Конвенции и пункт 1 правила 29).

6. Заявитель, но не Правительство, представили свои замечания по существу (Правило 59 § 1).

7. На 1 ноября 2004 г. Суд изменил состав своих Секций (Правило 25 § 1). Это дело было передано в новую Четвертую Секцию (Правило 52 § 1).

8. 10 мая 2005 г. Палата постановила, в свете принципов, изложенных в Постановлении Большой Палаты по делу Тахсин Ачар против Турции (предварительное возражение) [GC], no. 26307/95, ECHR 2003VI, отклонить просьбу властей Российской Федерации об исключении этого дела из списка дел на основании одностороннего заявления, представленного ими 9 января 2002 г.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

9. Заявитель, гражданин Турции курдского происхождения, 1955 года рождения, проживает в г. Диярбакыр.

A. Введение

10. Обстоятельства дела, в частности, в отношении событий, имевших место в 20 февраля 1994 г., оспариваются сторонами.

11. Факты, представленные заявителем, изложены в Разделе В ниже (параграфы 12-18). Доводы властей Российской Федерации относительно фактов кратко изложены в Разделе С ниже (пункты 19-21). Документальные доказательства, представленные сторонами, кратко изложены в Разделе D (параграфы 22-67).

Б. Доводы заявителя по поводу фактов

12. Во время событий, послуживших основанием для настоящей жалобы, заявительница и ее семья проживали в деревне Сесверен деревни Караорман, находящейся в административной юрисдикции города Кулпа, около Диярбакыр, юго-восток Турция.

13. На 20 февраля 1994 г. примерно 200 солдат из штаба жандармерии Кулпа пришли в деревню заявителя и выгнали жителей из домов. Жителей согнали на деревенскую площадь, и солдаты начали сжигать дома жителей.

14. Затем один из солдат зачитал список имен шести сельских жителей мужского пола: Халит Акдениз (35 лет), Ирфан Акдениз (18

лет), Мехмет Ширин Аллахверди (35 лет), Зия Чичек (22 года), Фаик Акдениз (35 лет) и, наконец, сын заявительницы Мехди Акдениз (22 года) (далее «шесть человек»). Шесть человек, похоже, опознал человек в маске, который находился с офицерами жандармерии. Затем солдаты избили шестерых человек; сын заявителя подвергся жестокому обращению. Затем шестерых человек увезли из поля зрения жителей деревни.

15. Солдаты пробыли в селе примерно два часа, а затем пошли с группой из шести человек в другую деревню, примерно в 1,5 км от них, где сели в ожидающие машины и уехали.

16. Свидетели, которые содержались под стражей вместе с сыном заявителя, впоследствии сообщили заявителю, что Мехди Акдениз содержался в штабе жандармерии Кулпского района в течение пяти дней. Во время задержания его пытали, и, по словам очевидцев, с ним обращались хуже всего из шести человек.

17. Очевидцы подтвердили, что в Сильване, где он продержался неделю, прежде чем был доставлен в Диярбакыр, он тоже был в очень плохом состоянии.

18. С тех пор заявительница больше ничего не слышала о местонахождении или судьбе своего сына. Она подала несколько заявлений, устно и письменно, Генеральному прокурору Диярбакырского суда государственной безопасности (далее «Диярбакырский суд») и безуспешно пыталась получить информацию о своем сыне.

С. Доводы властей Российской Федерации по фактам

19. На участке Кулп-Сесверен на участке Кулп-Сесверен никаких операций не проводилось. 20 февраля 1994 г. и, согласно протоколам содержания под стражей, ни сын заявителя, ни кто-либо из других пяти упомянутых лиц не были взяты под стражу или задержаны.

20. В период с 1992 по 1993 год деревня Сесверен подверглась нападению членов РПК, и жители деревни бежали из своих домов из-за запугивания со стороны РПК.

21. На 11 мая 1994 заявитель был проинформирован Диярбакырский суд что, согласно протоколам содержания под стражей, Мехмет Шен (так в оригинале) не содержался под стражей.

Д. Документальные доказательства, представленные сторонами

22. Следующая информация вытекает из документов, представленных сторонами.

23. Согласно протоколу задержания, составленному 28 февраля 1994 г. и подписано тремя офицерами жандармерии и четырьмя

военнослужащими жандармерии жандармерии Кулпа, пятеро из шести человек, а именно Халит Акдениз, М. Ширин Аллахверди, Зия Чичек, Фаик Акдениз и Ирфан Акдениз, были арестованы в ходе операции, проведенной жандармерией. Причина операции заключалась в том, что жандармерия была проинформирована из надежных источников о том, что эти люди оказывали помощь и подстрекательство КРП. В отчете также говорится, что на телах этих пятерых мужчин были нанесены различные травмы, полученные в результате попыток побега, а также применения силы.

24. В неустановленные даты эти пять человек были допрошены командиром жандармерии. Все, кроме Фаика Акдениза, отрицали, что когда-либо были членами РПК. Фаик Акдениз заявил, что он некоторое время был членом. Все пятеро мужчин заявили, что деревню Караорман часто посещали члены РПК, которые заставляли жителей кормить их.

25. На 8 марта 1994 г. пятеро мужчин были допрошены судьей в Диярбакырский суд. Затем судья приказал освободить четверых из них. Заключение Фаика Акдениза под стражу было вынесено судьей.

26. Заявительница подала ходатайство Генеральному прокурору в Диярбакырский суд на 11 мая 1994, сообщила прокурору, что ее сын был задержан сотрудниками сил безопасности в 20 февраля 1994 г. в ее деревушке Сесверен. Она также заявила, что не получала от него вестей с того дня и беспокоилась за его жизнь. Она попросила сообщить ей о судьбе сына.

27. Согласно рукописной записке, написанной Генеральным прокурором в Диярбакырский суд по вышеупомянутому ходатайству заявителя о 11 мая 1994, сын заявительницы не числился в протоколах содержания под стражей.

28. На 29 декабря 1994 г. Управление международного права и внешних сношений Министерства юстиции (далее «Управление») направило письмо Генеральному прокурору в Диярбакырский суди проинформировал его о заявлении, поданном заявителем в Комиссию. Прокурору было предложено допросить заявительницу в связи с ее жалобами и начать расследование ее утверждений.

29. В своем письме 30 декабря 1994 г. Главный прокурор Диярбакырский суд обратился к прокурору в г. Кулп предпринять шаги, указанные в письме Управления.

30. 6 января 1995 г. прокурор Кулпа потребовал от начальника штаба жандармерии Кулпа вызвать заявителя, а также пятерых лиц, предположительно задержанных вместе с сыном заявителя (см. Пункт 14 выше), в прокуратуру. Прокурор также попросил вызвать некоего Джемдета Йылмаза и некоего Решата Памука, которые, по всей видимости, проживали в деревне заявителя.

31. Согласно протоколу, который был составлен 17 марта 1995 года тремя военнослужащими-жандармами из жандармерии Сивриче,

расположенной недалеко от деревни Караорман, заявителя, и который был передан прокурору Кулпа, лица, упомянутые в письме прокурора Кулпа от 6 января 1995 г. выехал из села в неизвестном направлении из-за террористических актов. Этот отчет впоследствии был отправлен в прокуратуру по адресу: г.Диярбакырский суд.

32. На 26 июля 1995 г. Прокурор Кулпа направил письмо, на этот раз командиру бригады жандармерии Кулпа, и попросил вызвать заявителя и других семи вышеупомянутых лиц к нему в кабинет.

33. Согласно отчету, составленному на 27 августа 1995 г. двумя солдатами-жандармами и отправлены прокурору Кулпа, лица, упомянутые в письме прокурора Кулпа от 26 июля 1995 г. три года назад покинул село в неизвестном направлении из-за террористических актов.

34. Аналогичная переписка между прокуратурой и жандармерией, излагающая безуспешные попытки первой найти заявителя и остальных семи человек, продолжалась до июня 1996 года, когда Халит Акдениз, один из шести человек, предположительно задержанных одновременно с сыном заявителя, был расположен.

35. В заявлении, сделанном прокурором Кулпа на 13 июня 1996 г. Халит Акдениз заявил, что в феврале 1994 года в село прибыло большое количество солдат и собрали жителей за пределами села. Затем они подожгли дома в деревне. Он, его сын Ирфан, сын заявительницы Мехди и трое других были выделены солдатами и подверглись жестокому обращению в деревне. Затем их доставили в жандармерию Сивриче, где они остановились в тот вечер. На следующее утро их доставили в бригаду командос «Кулп», где они продержались четыре дня, в течение которых им завязывали глаза, избивали и допрашивали. По прошествии четырех дней они были доставлены в центральную жандармерию Кулпа, где сын заявителя Мехди был отделен от остальных, и его больше не видели.

36. Также на 13 июня 1996 г. Прокурор Кулпа допросил Ирфана Акдениза, который подтвердил версию событий, изложенную его отцом выше. Он также добавил, что Мехди Акдениз был избит более жестко, чем остальные.

37. На 20 июня 1996 г. Прокурор Кулпа взял показания Мехмет Ширин Аллахверди, еще одного из шести человек, предположительно задержанных вместе с сыном заявителя. Г-н Аллахверди, который дал показания, удивительно похожие на показания Халита и Ирфана Акдениза, добавил, что сын заявителя Мехди Акдениз был опознан итирафчи.¹ который прибыл в село с солдатами в феврале 1994 года.

1. İtirafçı (исповедник): термин, используемый для описания члена незаконной организации, который предоставляет властям информацию об этой организации.

38. На 2 августа 1996 г. Джевдет Йылмаз (см. Пункт 30 выше) был найден в тюрьме в Элазыге. Он отказался явиться в прокуратуру с заявлением на том основании, что протестует против турецких судов.

39. Прокурор Кулпа взял показания заявителя на 15 августа 1996 г.. В своих показаниях заявительница подтвердила свою версию событий, изложенную выше (см. Параграфы 13-18 выше). В конце концов она попросила прокурора предоставить информацию о судьбе своего сына.

40. На 19 августа 1996 г. Показания, полученные прокурором Кулпа от Халита Акдениза, Ирфана Акдениза и Мехмета Ширина Аллахверди, были переданы в прокуратуру на Диярбакырский суд. Прокурор Кулпа также заявил, что его усилия по поиску Фаика Акдениза и Зии Чичека будут продолжены.

41. Фаика Акдениза допросили на 16 сентября 1996 г. прокурором Кулпа. Г-н Акдениз также дал удивительно похожие показания на показания Халита Акдениза, Ирфана Акдениза, Мехмета Ширина Аллахверди и заявителя.

42. На 5 декабря 1996 г. Прокурор Кулпа направил письмо в штаб жандармерии Кулпа и спросил, проводилась ли операция в селе Караорман в феврале 1994 года.

43. На 27 декабря 1996 г. Заместитель командира штаба жандармерии Кулпа письменно ответил прокурору Кулпа, заявив, что, согласно записям в штабе, в феврале 1994 года в деревне Караорман или в деревне Сесверен не проводилось никаких операций.

44. Еще одно показание заявителя было взято у заявителя 12 мая 1997 прокурором Кулпа. Заявитель еще раз подтвердила свои утверждения и добавила, что подала заявление в Комиссию.

45. На 26 мая 1997 Кулп прокурор проинформировал прокурора на Диярбакырский суд что он получил другое показание от заявителя, и что она все еще ничего не слышала от своего сына. Он также сообщил ему, что его усилия по поиску Джевдета Йылмаза, Зии Чичека и Решата Памука, которые якобы видели Мехди Акдениза под стражей жандармов, будут продолжены.

46. Заявитель был допрошен 21 июля 1997 г., на этот раз прокурором г. Сильван. Свои обвинения она подтвердила.

47. На 15 декабря 1997 г. заявитель был снова допрошен прокурором Кулпа. Она повторила свои утверждения и добавила, что ей нечего добавить к своим предыдущим заявлениям.

48. В тот же день прокурор Кулпа также взял показания от Зии Чичека, пятого человека, который предположительно содержался под стражей вместе с сыном заявителя. Г-н Чичек подтвердил версию событий, изложенную другими четырьмя лицами, которые утверждали, что были задержаны вместе с сыном заявителя.

49. Прокурор Кулпа проинформировал прокурора на Диярбакырский суд на 16 декабря 1997 г. что он получил еще одно заявление от

заявительницы и что он узнал от нее, что ее сын все еще пропал без вести.

50. 14 января 1998 г. прокурор Кулпа попросил штаб-квартиру жандармерии округа Кулп и Сильван, штаб-квартиру жандармерии провинции Диярбакыр, а также штаб-квартиру полиции Диярбакыра прислать в его офис копии протоколов содержания под стражей с указанием имен лиц, которые были заключены под стражу в период с 20 февраля. 1994 г. и 10 января 1995 г. в их соответствующих штаб-квартирах.

51. На 24 января 1998 г. начальник штаба жандармерии Кулпа передал в прокуратуру Кулпа имена лиц, задержанных между 20 февраля 1994 г. и 10 января 1995 г.. Согласно этому письму, Халит Акдениз, Зия Чичек, Мехмет Аллахверди, Ирфан Акдениз и Фаик Акдениз были взяты под стражу 28 февраля 1994 г. по подозрению в сотрудничестве с РПК. В столбце с датами выпуска информации не было.

52. На 27 января 1998 г. Управление обратилось к прокурору на Диярбакырский суд для получения информации о расследовании исчезновения сына заявительницы.

53. Прокурор Диярбакырский суд был проинформирован о 2 февраля 1998 г. прокурором Кулпа, что показания, взятые у Халита Акдениза, Ирфана Акдениза, Мехмета Ширина Аллахверди, Фаика Акдениза и Зии Чичека, подтверждают утверждения заявителя. Его попытки получить информацию от жандарма относительно того, действительно ли сын заявителя был задержан ими, все еще продолжались. Сын заявителя по-прежнему отсутствовал.

54. На 16 февраля 1998 г. Прокурор Кулпа взял показания Решата Памука. Г-н Памук заявил, что раньше он жил в поселок из Яйык, недалеко от города Кулп. Он и несколько его друзей были задержаны солдатами в городе Сильван в течение месяца Рамадан в 1994 году. Во время содержания под стражей он не видел Мехди Акдениза, сына заявителя; в любом случае он не знал, кто такой Мехди Акдениз.

55. В ответ 24 февраля 1998 г. к письму Кулпа прокурора г. 14 января 1998 г., начальник управления полиции Диярбакыра заявил, что Мехди Акдениз не задерживался полицией.

56. Также на 24 февраля 1998 г. Управление обратилось в прокуратуру на Диярбакырский суд проверить правильность содержания показаний лиц, которые утверждали, что содержались под стражей вместе с сыном заявителя. В тот же день это письмо было отправлено прокурору Кулпа.

57. На 25 февраля 1998 г. Прокурор Кулпа обратил внимание начальника штаба жандармерии Кулпа на то, что даты освобождения пятерых задержанных 28 февраля 1998 г. не явился в той форме, которую он получил (см. пункт 51 выше). Прокурор попросил командира сообщить в его канцелярию, какие действия были предприняты в

отношении этих лиц. Похоже, что командир жандармерии впоследствии выполнил эту просьбу. Согласно записям в центральной жандармерии Кулпа, Халит Акдениз, Зия Чичек, Мехмет Аллахверди, Ирфан Акдениз и Фаик Акдениз были задержаны там из 8 часов вечера на 28 февраля 1994 г. до того как 9 часов утра на 5 марта 1994 г. когда они были переведены в Диярбакырский суд.

58. Согласно протоколу содержания под стражей, в котором указаны имена лиц, содержащихся под стражей в штабе жандармерии провинции Диярбакыр между 24 февраля 1994 г. и 21 марта 1994 г., пятеро мужчин были задержаны там 5 марта 1994 г. пока их освобождение не было приказано Диярбакырский суд на 8 марта 1994 г..

59. На 16 марта 1998 г. прокурор Диярбакырский суд направил в Управление ряд документов, касающихся уголовного дела, возбужденного против Ирфана Акдениза, Мехмета Аллахверди и Фаика Акдениза после их задержания в феврале 1994 года (см. пункт 23 выше). Согласно этим документам, трое лиц были преданы суду и оправданы по обвинению в пособничестве террористической организации.

60. На 25 марта 1998 г. прокурор Кулпа еще раз запросил в штаб-квартире жандармерии Кулпа имена задержанных в селе Караорман с тех пор, как 20 февраля 1994 г..

61. На 11 апреля 1998 г. Командир жандармерии Сивриче сообщил в отчете, что в селе Караорман не проводилось никаких операций. 20 февраля 1994 г. солдатами со своего поста.

62. Мехмет Нури Сансар, глава (мухтар) села Караорман во время предполагаемых событий, был допрошен прокурором Кулпа на 15 апреля 1998 г.. Г-н Сансар заявил, что 20 февраля 1994 г. он был в мечети села Караорман и молился, когда вошли двое солдат и попросили присутствующих покинуть мечеть. Г-н Сансар и жители мечети выполнили этот приказ и покинули мечеть. Затем г-н Сансар увидел, что деревня была окружена солдатами и что жители собрались за пределами деревни. Командир солдат подозвал г-на Сансара и сказал ему, что продукты питания были доставлены в деревню Караорман на машинах и что из деревни они были доставлены на мулах в РПК в горы. Командир спросил у г-на Сансара личности жителей деревни, которые отнесли продукты в РПК. Когда г-н Сансар ответил, что не знает, солдаты увели его и избили. Среди солдат также был итирафчи, лицо которого было закрыто. Итирафчи не сказал ни слова, но указал на шесть человек. Все шесть человек были увезены, и все, кроме Мехди Акдениза, были освобождены некоторое время спустя.

63. Джевдет Йылмаз (см. Пункты 30 и 38 выше) был допрошен прокурором по 29 апреля 1998 г.. Г-н Йылмаз заявил, что раньше он жил в деревне Яйык, недалеко от деревни Сесверен, где раньше жил Мехди Акдениз. Он также заявил, что в феврале 1994 года он был арестован и

доставлен в следственный изолятор в Сильване, где он видел Мехди Акдениза. Однако, в отличие от всех других задержанных, Мехди впоследствии не доставили к судье в тюрьму. Диярбакырский суд.

64. 22 мая 1998 г. прокурор Кулпа обратился к своему коллеге по телефону в городе Сильван с просьбой запросить штаб-квартиру жандармерии в этом городе, чтобы проверить, содержался ли там когда-либо, по утверждениям ряда очевидцев, Мехди Акдениз.

65. На 22 мая 1998 Прокурор Кулпа также спросил у штаба жандармерии провинции Диярбакыр, проводилась ли операция в деревне Караорман, где, согласно утверждениям, солдат арестовал Мехди Акдениз.

66. На 13 июня 1998 г. начальник штаба жандармерии района Сильван проинформировал прокурора Сильвана, что, согласно протоколам содержания под стражей, Мехди Акдениз не содержался в штабе в феврале 1994 года.

67. На 29 июня 1998 г. Заместитель начальника штаба жандармерии провинции Диярбакыр ответил на письмо прокурора Кулпа от 22 мая 1998 и заявил, что в феврале 1994 года в районе села Караорман не проводилось никаких операций.

II. СООТВЕТСТВУЮЩИЙ ВНУТРЕННИЙ ЗАКОН

68. Описание соответствующего закона можно найти в деле *İrek v. Турция*, нет. 25760/94, §§ 92-106, ECHR 2004 -... (выдержки).

ЗАКОН

I. ОЦЕНКА СУДОМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И УСТАНОВЛЕНИЕ ФАКТОВ

A. Аргументы сторон

1. Заявитель

69. В своих объяснениях, представленных в Комиссию до принятия решения о приемлемости, заявительница утверждала, что ее сын был избит, а затем увезен несколькими солдатами, прибывшими в их село 20 февраля 1994 г., и что ничего не было слышно. от него с той даты. Она сослалась на статьи 3, 5, 6, 13 и 14 Конвенции.

2. Правительство

70. В своих замечаниях, представленных Комиссии по 17 марта 1995 г. и в своих дополнительных замечаниях, представленных 29 ноября 1995 г., Правительство утверждало, что в феврале 1994 года в селе заявителя не проводилось никаких операций. Они также утверждали, что согласно протоколам содержания под стражей, приложенным к их наблюдениям, ни сын заявителя, ни кто-либо из других мужчин, на которые ссылается заявитель, не были взяты под стражу.

Б. Оценка фактов Судом

71. Суд отмечает, что Правительство в своих двух наборах замечаний, представленных в 1995 году, то есть до принятия жалобы к рассмотрению, утверждало, что ни сын заявительницы, ни кто-либо из пяти мужчин, которых, по утверждениям заявительницы, не содержали под стражей вместе с ее сыном, когда-либо задерживался. В подтверждение своего утверждения власти Российской Федерации приложили к своим наблюдениям копии двух страниц книги учета содержания под стражей в штабе жандармерии провинции Диярбакыр. На этих страницах указаны имена задержанных между 24 января 1994 и 24 февраля 1994 г. перечислены. На этих двух страницах не указаны ни имя сына заявительницы, ни имена других пяти человек.

72. Однако Суд отмечает, что, согласно следующим четырем страницам той же книги учета, пять человек, задержание которых отрицалось властями Российской Федерации, на самом деле содержались там в период с 5 марта 1994 г. по 8 марта 1994 г. Эти четыре страницы были переданы в Правительственную комиссию по 22 апреля 1999 г..

73. Кроме того, согласно копиям книги учета содержания под стражей Центральной жандармерии Кулпа (см. Пункты 51 и 57 выше), пять человек содержались там в период между 28 февраля 1994 г. и 5 марта 1994 г..

74. Аналогичным образом утверждение властей Российской Федерации о том, что в феврале 1994 года в селе Караорман не проводилось никаких операций, по всей видимости, опровергается протоколом задержания, составленным 28 февраля 1994 года сотрудниками жандармерии Кулпа, согласно которому Халит Акдениз, М. Ширин Аллахверди, Зия Чичек, Фаик Акдениз и Ирфан Акдениз были арестованы в ходе операции, проведенной жандармерией (см. Пункт 23 выше). Некоторых из них впоследствии судили и оправдали (см. § 59 настоящего Постановления).

75. Наконец, Суд не может не отметить, что, несмотря на наличие протокола задержания, в котором четко указано, что 28 февраля 1994 г.

была проведена операция (см. Пункт 23 выше), как начальник штаба жандармерии Кулпского района, так и заместитель командира Штаб жандармерии провинции Диярбакыр отрицал факт проведения такой операции (см. Соответственно пункты 43 и 67 выше).

76. Таким образом, Суд столкнулся с ситуацией, когда представители государства, а также государство-ответчик в своих замечаниях предоставили противоречивую информацию и документы, относящиеся к фактам дела. Этому не было дано никакого объяснения, не говоря уже об удовлетворительном. Суд считает, что такое серьезное противоречие напрямую влияет на достоверность версии фактов, представленных властями Российской Федерации, и, более того, оправдывает выводы относительно обоснованности утверждений заявителя (см. *Timurtaş v. Turkey*, no. 23531/94, § 66, ECHR 2000-VI).

77. Что касается утверждений, сделанных заявительницей в ее заявлении, Суд отмечает, что они согласуются с ходатайством, которое она уже подала прокурору в суде Диярбакыра (см. Пункт 26 выше), а также с четырьмя заявлениями, которые она впоследствии сделала по различные даты перед рядом прокуроров (см. пункты 39, 44, 46 и, наконец, 47 выше).

78. Кроме того, достоверность ее утверждений подтверждается показаниями, данными пятью мужчинами прокурору Кулпа в различные даты (см. Пункты 35, 36, 37, 41 и 48 выше).

79. Утверждения заявителя были также подтверждены Джевдетом Йылмазом, который был задержан в феврале 1994 года в своей собственной деревне, расположенной недалеко от деревни заявителя. В своих показаниях прокурору он подтвердил, что видел сына заявительницы Мехди Акдениз под стражей военнослужащих (см. Пункт 63 выше).

80. Наконец, утверждения заявительницы нашли подтверждение в показаниях мухтара ее деревни, г-на Мехмета Нури Сансара. Г-н Сансар, как и заявитель, утверждал, что солдаты пришли в село во время молитвы (см. Пункт 62 выше). Он подтвердил, что сына заявительницы забрали солдаты.

81. Суд отмечает, что все эти заявления, сделанные разными людьми в разное время, были сделаны прокурорам. Они согласуются с утверждениями заявителя и согласуются друг с другом. Суд считает их убедительными. Действительно, на основании этих показаний прокурор Кулпа сам пришел к выводу, что они подтверждают утверждение заявительницы о том, что ее сын был задержан жандармерией (см. Пункт 53 выше).

82. Суд, в свете вышеупомянутых заявлений, достоверность и точность которых не оспаривались властями Российской Федерации, считает установленным, что сын заявителя был задержан жандармами вместе с пятью жителями села.

83. На основании этого вывода Суд продолжит рассмотрение жалоб заявителя в соответствии с различными статьями Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

84. Заявительница утверждала в своих объяснениях, представленных Суду на 10 апреля 2002 г., что ее сын был арестован и задержан сотрудниками турецких сил безопасности и что он должен считаться мертвым в нарушение статьи 2 Конвенции. Она также утверждала, что власти не провели эффективного расследования исчезновения ее сына.

85. Правительство отрицало, что сын заявителя был задержан солдатами.

86. Суд прежде всего отмечает, что заявительница не ссылалась на статью 2 Конвенции в своем заявлении; эта статья впервые упоминалась в вышеупомянутых замечаниях заявителя в отношении 10 апреля 2002 г..

87. В этом контексте статья 32 Конвенции предусматривает следующее:

«1. Юрисдикция Суда распространяется на все вопросы, касающиеся толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней, которые переданы ему в соответствии со статьями 33, 34 и 47.

2. В случае спора о том, обладает ли Суд юрисдикцией, Суд принимает решение».

88. Суд повторяет, что, поскольку он является хозяином юридической характеристики фактов дела, он не считает себя связанным характеристикой, данной заявителем, правительством или Комиссией. В соответствии с принципом *jura novit curia*, он, например, рассматривал жалобы по собственной инициативе в соответствии со статьями или параграфами, на которые не ссылались представившиеся ему лица, и даже в соответствии с положением, в отношении которого Комиссия объявила жалобу несостоятельной. недопустимым при объявлении его допустимым в соответствии с другим. Жалоба характеризуется изложенными в ней фактами, а не только юридическими основаниями или доводами, на которые она опирается (см. Решение «Герра и другие против Италии» от 19 февраля 1998 г., Reports 1998-I, § 44; Пауэлл и Рейнер против United Kingdom) от 21 февраля 1990 г., Series A, № 172, p. 13, § 29; см. также дело Асенов и другие против Болгарии, решение от 28 октября 1998 г., Отчеты о постановлениях и решениях 1998-VIII, § 132).

89. Суд обладает полной юрисдикцией только в рамках «дела», которое определяется решением о приемлемости жалобы. В рамках ограниченного таким образом компаса Суд может рассматривать любой вопрос факта или права, который возникает в ходе судебного

разбирательства (см., Среди многих других органов, Филис против Греции (№ 1), решение от 27 августа 1991 г., Серия А № 209, стр. 19, § 56).

90. В данном случае, хотя заявитель в своем обращении в Комиссию, возможно, не ссылалась прямо на статью 2 Конвенции, она изложила по существу - как перед национальными властями, так и в своих замечаниях, представленных в Комиссию, - основания ее Жалоба в отношении данной ст.

91. В этой связи Суд отмечает, что в ее ходатайстве, поданном Генеральному прокурору в Диярбакырский суд на 11 мая 1994, заявительница утверждала, что она беспокоилась за жизнь своего сына (см. пункт 26 выше). Кроме того, в своем заявлении заявительница утверждала, что ее сын исчез при обстоятельствах, при которых были все основания опасаться за его жизнь. Наконец, в своих замечаниях, представленных Комиссии, заявительница утверждала, что ее серьезная жалоба на жизнь ее сына не была должным образом расследована.

92. Суд далее подчеркивает, что с момента принятия своего решения по вышеупомянутому делу Тимурташа он принял во внимание эффективную защиту права на жизнь, предусмотренную статьей 2 Конвенции, путем определения продолжительных периодов непризнанных задержаний, выходящих за рамки простого незаконного задержания в нарушение статьи 5 Конвенции (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Тимурташ», § 83). Он рассмотрел такие утверждения с точки зрения статьи 2, а также статьи 5 Конвенции (см., В частности, *Orhan v. Турция*, нет. 25656/94, §§ 328-332, 18 июня 2002 г., и *İrek*, упомянутое выше, §§ 166-168).

93. Следовательно, Суд может рассмотреть утверждения заявительницы о задержании ее сына в свете защиты права на жизнь по смыслу статьи 2 Конвенции, которая предусматривает следующее:

«1. Право каждого на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни, кроме как во исполнение приговора суда, признанного виновным в преступлении, за которое это наказание предусмотрено законом.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, если оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

(a) для защиты любого лица от противоправного насилия;

(b) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, задержанного на законных основаниях;

(c) в действиях, законно предпринятых с целью подавления бунта или восстания».

А. Общие соображения

94. Статья 2, которая гарантирует право на жизнь и устанавливает обстоятельства, при которых лишение жизни может быть оправдано, считается одним из наиболее фундаментальных положений Конвенции, отступление от которого не допускается. Вместе со статьей 3 он также закрепляет одну из основных ценностей демократических обществ, составляющих Совет Европы. Следовательно, обстоятельства, при которых лишение жизни может быть оправдано, должны быть строго истолкованы. Объект и цель Конвенции как инструмента защиты отдельных людей также требуют, чтобы статья 2 толковалась и применялась таким образом, чтобы сделать ее гарантии практическими и эффективными (*McCann and Others v. The United Kingdom*, постановление от 27 сентября 1995 г., Series A, № 324, §§ 146–147).

95. В свете важности защиты, предоставляемой статьей 2, Суд должен подвергнуть лишение жизни самому тщательному исследованию, принимая во внимание не только действия представителей государства, но и все сопутствующие обстоятельства. Задержанные лица находятся в уязвимом положении, и власти обязаны их защищать. Следовательно, если лицо заключено под стражу в добром здравии и при освобождении обнаруживается, что он получил травмы, государство обязано предоставить правдоподобное объяснение причин, по которым эти травмы были причинены (см., Среди прочего, *Орхан*, упомянутое выше, § 326 и упомянутые в нем органы). Обязанность властей отчитываться об обращении с задержанным лицом является особенно строгим, если это лицо после этого умирает или исчезает.

96. Если рассматриваемые события полностью или по большей части находятся в исключительной компетенции властей, как в случае с лицами, находящимися под их контролем в местах содержания под стражей, возникают серьезные презумпции фактов в отношении телесных повреждений и смерти, имевших место во время содержания под стражей. Действительно, бремя доказывания можно рассматривать как лежащее на властях по предоставлению удовлетворительного и убедительного объяснения (*Салман против Турции [GC]*, № 21986/93, § 100, ECHR 2000-VII; *akıcı v. Turkey [GC]*, № 23657/94, § 85, ECHR 1999-IV, and *Timurtaş*, упомянутое выше, § 82).

Б. Можно ли считать Мехди Акдениза умершим

97. В решении по делу Тимурташ (цитируется выше, §§ 82-83) Суд заявил следующее:

(...) если лицо заключено под стражу в добром здравии, но обнаружено, что он получил травмы во время освобождения, государство обязано предоставить правдоподобное объяснение того, как эти травмы были причинены, в противном

случае возникает проблема в соответствии со статьей 3 Конвенции (...). В том же духе статья 5 налагает на государство обязанность отчитываться о местонахождении любого лица, взятого под стражу и, таким образом, поставленного под контроль властей (...). Может ли отказ властей предоставить правдоподобное объяснение судьбы задержанного в отсутствие тела также поднять вопросы по статье 2 Конвенции, будет зависеть от всех обстоятельств дела, и в частности о наличии достаточных косвенных доказательств, основанных на конкретных элементах,

В этом отношении период времени, прошедший с момента помещения лица под стражу, хотя и не является решающим сам по себе, является важным фактором, который следует принимать во внимание. Следует признать, что чем больше времени проходит без каких-либо новостей о задержанном, тем больше вероятность того, что он или она умер. Таким образом, течение времени может в некоторой степени повлиять на значение, которое следует придавать другим элементам косвенных доказательств, прежде чем можно будет сделать вывод о том, что соответствующее лицо должно считаться умершим. В этом отношении Суд считает, что данная ситуация порождает вопросы, выходящие за рамки простого незаконного задержания в нарушение статьи 5. Такое толкование соответствует эффективной защите права на жизнь, предусмотренной статьей 2, которая квалифицируется как одно из самых фундаментальных положений Конвенции (...)».

98. Суд считает, что существует ряд элементов, отличающих настоящее дело от таких дел, как *Kurt v.* 25 мая 1998, Reports 1998-III, § 108), в котором Суд постановил, что не было достаточных убедительных указаний на то, что сын заявителя умер во время содержания под стражей. Узеира Курта в последний раз видели в окружении солдат в его собственной деревне, а Мехди Акдениз и пятеро других жителей деревни были замечены солдатами, увозящими их. Кроме того, также было установлено, что Мехди Акдениз в последний раз видели в руках сил безопасности в различных местах содержания под стражей.

99. Суд также отмечает, что семья Акдениз подозревалась властями в пособничестве и подстрекательстве КРП, и некоторые из них были арестованы одновременно с Мехди Акденизом, и впоследствии им были предъявлены обвинения и судили за это преступление (см. § 59 настоящего Постановления). Действительно, как установлено Судом, сын заявителя был задержан вместе с пятью другими людьми, которых подозревали в пособничестве и подстрекательстве к РПК. В общем контексте ситуации на юго-востоке Турции в 1994 году ни в коем случае нельзя исключать, что непризнанное задержание таких лиц будет опасным для жизни (Тимурташ, упомянутое выше, § 85; Орхан, упомянутое выше, § 330; и, наконец, *içek v. Турция*, нет. 25704/94, § 146, 27 февраля 2001 г..

100. Следует также напомнить, что в своих предыдущих постановлениях Суд постановил, что недостатки, подрывающие эффективность уголовно-правовой защиты на юго-востоке в период,

имеющий отношение также к этому делу, допускали или способствовали отсутствию ответственности членов службы безопасности за свои действия (Кылыч против Турции, № 22492/93, § 75, ЕСЧР 2000-III, и Махмут Кая против Турции, № 22535/93, § 98, ЕСЧР 2000-III). Это отсутствие ответственности подтверждается в настоящем деле тем фактом, что ни один из жандармов, работающих в Кулпе, где был задержан сын заявительницы, не был допрошен прокурором Кулпа, несмотря на вывод последнего о том, что утверждения заявительницы о том, что ее сын был задержан жандармами, было подтверждено показаниями ряда других задержанных (см. пункт 53 выше).

101. По указанным выше причинам и с учетом того факта, что информация о местонахождении Махди Акдениза не поступала более 11 лет, Суд удовлетворен тем, что он должен считаться умершим после непризнанного задержания силами безопасности. Следовательно, ответственность за его смерть возлагается на государство-ответчик. Отмечая, что власти не предоставили никаких объяснений относительно того, что произошло после задержания Мехди Акдениза, и что они не ссылаются на какое-либо оправдание в отношении любого применения смертоносной силы их агентами, следует, что ответственность за его смерть наступает Правительству-ответчику (Timurtas, § 86, Orhan, § 331, и içek, § 147, все цитируется выше).

102. Соответственно, имело место нарушение статьи 2 в отношении Мехди Акдениза.

С. Предполагаемая неадекватность расследования

103. Суд повторяет, что обязательство защищать право на жизнь в соответствии со статьей 2 Конвенции в совокупности с общей обязанностью государства в соответствии со статьей 1 Конвенции «обеспечивать каждому в пределах [своей] юрисдикции права и свободы, определенные в [] Конвенция» также подразумевает, что должна существовать какая-либо форма эффективного официального расследования, когда люди были убиты в результате применения силы (см., с соответствующими изменениями, McCann and Others, упомянутое выше, § 161, and Kaya против Турции, решение от 19 февраля 1998 г., Reports 1998-I, § 105). Основная цель такого расследования - обеспечить эффективное выполнение национальных законов, которые защищают право на жизнь, и, в случаях с участием государственных агентов или органов, обеспечить их ответственность за смерть, наступившую под их ответственность. Какая форма расследования будет достигать этих целей, может варьироваться в зависимости от обстоятельств. Однако, какой бы режим ни использовался, власти должны действовать по собственной инициативе,

как только им стало известно об этом. Они не могут оставить на усмотрение ближайших родственников подать официальную жалобу или взять на себя ответственность за проведение каких-либо следственных процедур (см., Например, *mutatis mutandis*, *İlhan v. Турция* [GC], нет. 22277/93, § 63, ECHR 2000-VII).

104. Для того чтобы расследование предполагаемого незаконного убийства представителями государства было эффективным, обычно можно считать необходимым, чтобы лица, ответственные за расследование и проводившие расследование, были независимы от лиц, причастных к событиям (*Güleç v. Turkey*, решение от 27 июля 1998, Reports 1998-IV, §§ 81-82, и *Oğur v. Turkey* [GC], № 21954/93, §§ 91-92, ECHR 1999-III). Расследование также должно быть эффективным в том смысле, что оно способно привести к определению того, была ли сила, примененная в таких случаях, оправдана или не была оправдана в данных обстоятельствах (*Кауа*, упомянутое выше, § 87), а также к выявлению и наказанию виновные (*Oğur*, упомянутое выше, § 88). Это обязательство не результата, а средств. Власти должны были предпринять разумные шаги, доступные им, чтобы получить доказательства, касающиеся инцидента, включая, среди прочего, показания свидетелей (см., что касается свидетелей, например, *Танрыкулу против Турции* [GC], № 23763/94, § 109, ECHR 1999-IV). Любой недостаток расследования, который подрывает его способность установить причину смерти или ответственное лицо, рискует нарушить этот стандарт.

105. В этом контексте также подразумевается требование оперативности и разумной оперативности (*Yaşa v. Turkey*, решение от 2 сентября 1998 г., Reports 1998-VI, § 102-104; *акісі*, упомянутое выше, §§ 80, 87, 106; *Танрыкулу*, упомянутое выше, § 109; и *Mahmut Кауа*, упомянутое выше, §§ 106-107). Следует признать, что могут быть препятствия или трудности, которые мешают продвижению расследования в конкретной ситуации. Однако оперативный ответ властей при расследовании применения смертоносной силы или исчезновения обычно может рассматриваться как необходимый для поддержания уверенности общества в поддержании ими верховенства закона и предотвращения любых проявлений сговора или терпимости к незаконным действиям. (см. в целом, *МакКерр против Соединенного Королевства*, № 28883/95, §§ 108-115, ECHR 2001-III). Необходимость незамедлительности особенно важна при утверждении об исчезновении в заключении.

106. Суд считает, что утверждения заявителя были доведены до сведения следственных органов в 11 мая 1994 (см. пункт 26 выше). Однако представляется, что тот факт, что имя сына заявителя не фигурировало в протоколах содержания под стражей, был достаточным для прокурора, чтобы сделать вывод о том, что он не содержался под

стражей (см. Пункт 26 выше). Прокурор не предоставил никакой информации о том, с какими учетными записями он ознакомился (см. Пункт 27 выше); также не видно, чтобы он кого-либо допрашивал, прежде чем пришел к такому выводу. Отмечая, что соответствующие записи о заключении под стражу не были представлены в судебные органы до 24 января 1998 г. (см. пункт 51 выше), Суд не может счесть установленным, что Прокурор действительно принял к сведению эти записи о содержании под стражей в 11 мая 1994.

107. Никаких дальнейших действий не было предпринято до тех пор, пока Комиссия не направила жалобу правительству-ответчику. На 29 декабря 1994 г. Управление проинформировало прокурора Диярбакырского суда о поданном в Комиссию заявлении, попросило прокурора допросить заявительницу в связи с ее жалобами и начать расследование ее утверждений (см. пункт 28 выше).

108. Прокурор Кулпа, на которого была возложена обязанность по проведению расследования, провел первые два года расследования, собирая показания заявителя, а также свидетелей, которые все подтвердили утверждения заявителя. Представляется, что этому Прокурору не приходило в голову проверить с силами безопасности достоверность утверждений заявителя до тех пор, пока 5 декабря 1996 г., то есть почти через два года после того, как он впервые начал расследование. Даже тогда эта проверка ограничивалась тем, что он запросил письмо в штаб-квартире жандармерии Кулпа, проводилась ли операция в деревне заявителя (см. Пункт 42 выше). Суд считает непонятным, что ни один из сотрудников сил безопасности не был заслушан в отношении обвинений, несмотря на то, что - как также было отмечено прокурором - они были подтверждены последовательными показаниями очевидцев.

109. Кроме того, прокурору Кулпа потребовалось более трех лет, чтобы получить протоколы содержания под стражей в штаб-квартире жандармерии Кулпа (см. Пункт 51 выше), хотя это, казалось бы, было логической отправной точкой в расследовании подобного рода.

110. Суд также обеспокоен тем, что прокурор Кулпа не представил командирам штаба жандармерии Кулпа и штаба жандармерии Диярбакыр военный отчет от 28 февраля 1994 года, в котором говорилось, что операция была проведена, и который, таким образом, противоречил этим командирам. письмами от 27 декабря 1996 г. и 29 июня 1998 г. соответственно, в которых они сообщали прокурору, что в феврале 1994 г. в селе заявителя не проводилось никаких операций.

111. Суд считает, что расследование исчезновения сына заявителя аналогично другим расследованиям, проведенным в соответствующее время на юго-востоке г. Турция, которые были рассмотрены Судом по ряду дел. Общей чертой этих дел является вывод о том, что прокурор не рассматривал жалобы отдельных лиц, утверждая, что силы

безопасности были причастны к противоправному действию, например, путем отказа от допроса или получения заявлений от причастных к нему сотрудников сил безопасности и принимать за чистую монету отчеты об инцидентах, представленные сотрудниками сил безопасности. Однако Суд считает, что расследование, проведенное прокурором Кулпа в настоящем деле, было исключительным в том смысле, что, несмотря на обилие доказательств причастности сил безопасности к исчезновению сына заявительницы, не было предпринято никаких действий по их допросу. (см. также Аккоч против Турции, №№ 22947/93 и 22948/93, § 89, ECHR 2000-X, и дела, цитируемые в них).

112. По причинам, изложенным выше, Суд считает, что расследование исчезновения сына заявительницы было серьезно неадекватным и несовершенным. Соответственно, имело место нарушение статьи 2 Конвенции в отношении Мехди Акдениза в этом отношении.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

113. Заявительница утверждала, что имеются веские доказательства в виде показаний очевидцев того, что ее сын подвергался обращению, равному пыткам, во время содержания под стражей жандармерией.

114. Она также утверждала, что она испытала душевные страдания и страдания в результате неспособности узнать, что случилось с ее сыном, и того, как власти отреагировали и отреагировали на нее в связи с ее запросами. Она утверждала, что такое обращение представляет собой бесчеловечное обращение.

115. В отношении этих двух жалоб заявитель сослался на статью 3 Конвенции, которая гласит:

«Никто не должен подвергаться пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

116. Власти Российской Федерации, не считая отрицания фактической основы доводов заявителя, не рассматривали данную жалобу конкретно.

A. В отношении Мехди Акдениза

117. Прецедентная практика Суда указывает, что жестокое обращение должно достигнуть минимального уровня жестокости, чтобы подпадать под действие статьи 3. Оценка этого минимума относительна: она зависит от всех обстоятельств дела, таких как продолжительность лечения, его физические и / или психические последствия и, в некоторых случаях, пол, возраст и состояние здоровья

жертвы (см., среди прочего, Tekin v. Turkey, решение от 9 июня 1998 г., Reports 1998- IV, § 52).

118. Суд напоминает, что на основании показаний очевидцев, включая заявителя, он установил, что сын заявителя был взят под стражу. Согласно показаниям этих свидетелей, включая пятерых мужчин, задержанных одновременно с сыном заявителя, эти шесть человек подверглись жестокому обращению, и, в частности, Мехди Акдениз подвергся наиболее жестоким избиениям во время задержания. Эти свидетели также заявили, что жестокое обращение продолжалось во время их содержания под стражей. Действительно, утверждения о жестоком обращении во время ареста подтверждаются протоколом задержания, составленным на 28 февраля 1994 г. солдатами, которые задержали и задержали мужчин. Согласно этому отчету, у пятерых мужчин были различные травмы на теле, полученные во время попыток побега, а также в результате применения силы (см. Пункт 23 выше).

119. Суд, как уже было ясно сказано выше, не сомневается в точности этих утверждений. Действительно, следует отметить, что ни подлинность, ни точность содержания этих заявлений не оспаривались властями Российской Федерации. Таким образом, Суд приходит к выводу, что сын заявителя подвергся жестокому обращению, которое, по крайней мере, достигает порога бесчеловечного и унижающего достоинство обращения, и свидетельствует о нарушении в этом отношении статьи 3 Конвенции (см., С соответствующими изменениями, Akdeniz и другие против Турции, № 23954/94, § 98, 31 мая 2001 г.).

120. Следовательно, имело место нарушение статьи 3 в отношении обращения, которому подвергся сын заявителя.

Б. В отношении заявителя

121. Суд повторяет, что вопрос о том, является ли член семьи «исчезнувшего лица» жертвой обращения, противоречащего статье 3, будет зависеть от наличия особых факторов, которые придают страданиям заявителя измерение и характер, отличные от эмоционального стресса, который могут рассматриваться как неизбежно причиненные родственникам жертвы серьезного нарушения прав человека. Соответствующие элементы будут включать близость семейных уз - в этом контексте определенное значение будет иметь связь родитель-ребенок, - конкретные обстоятельства отношений, степень, в которой член семьи был свидетелем рассматриваемых событий, участие члена семьи в попытках получить информацию об исчезнувшем человеке и о том, как власти ответили на эти запросы (İpek, упомянутое выше, §§ 181-183, и цитируемые там источники). Суд далее подчеркивает, что сущность такого нарушения заключается не

столько в факте «исчезновения» члена семьи, сколько в реакции и отношении властей к ситуации, когда она доводится до их сведения. Особенно в отношении последнего, что родственник может прямо заявить, что стал жертвой поведения властей (см. Çakıcı, упомянутое выше, § 98).

122. В настоящем деле Суд отмечает, что заявительница является матерью исчезнувшего Мехди Акдениза. Заявительница была свидетелем того, как солдаты забрали ее сына одиннадцать лет назад, и с тех пор она ничего о нем не слышала. Кроме того, из документов, представленных властями Российской Федерации, следует, что заявительницу просили дать многочисленные показания прокуратуре, и во многих случаях она просила их выяснить, что случилось с ее сыном (см. Пункты 39, 44, 46 и 47 выше). . Несмотря на то, что прокурор обратился к прокурору с просьбой проинформировать его об исчезновении ее сына, а также о ее опасениях по поводу его жизни, прокурор не предпринял никаких действий, кроме как сообщить ей, что имя ее сына не фигурирует в протоколах содержания под стражей (см. Пункты 26 и 27). .

123. Заявительница никогда не получала никаких правдоподобных объяснений или информации от властей относительно того, что стало с ее сыном после его задержания солдатами. Напротив, реакция властей на серьезную обеспокоенность заявительницы ограничилась отрицанием того, что ее сын когда-либо задерживался силами безопасности (см. Пункты 27, 55 и 66 выше).

124. Принимая во внимание вышеизложенное, Суд считает, что заявительница страдала и продолжает испытывать страдания и страдания в результате исчезновения ее сына и ее неспособности выяснить, что с ним случилось. То, как власти рассмотрели ее жалобы, следует рассматривать как бесчеловечное обращение, противоречащее статье 3.

125. Таким образом, Суд приходит к выводу, что в отношении заявителя имело место нарушение статьи 3 Конвенции.

IV. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

126. Заявительница утверждала, что исчезновение ее сына повлекло за собой нарушение статьи 5 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

(а) законное задержание лица после осуждения компетентным судом;

(b) законный арест или задержание лица за невыполнение законного постановления суда или с целью обеспечения выполнения любого обязательства, предписанного законом;

(c) законный арест или задержание лица, произведенное с целью доставки его к компетентному юридическому органу по обоснованному подозрению в совершении преступления или когда это разумно считается необходимым для предотвращения его совершения преступления или бегства после совершения этого преступления. ;

(d) задержание несовершеннолетнего на законном основании с целью воспитательного надзора или его законное задержание с целью доставки его в компетентный юридический орган;

(e) законное задержание лиц для предотвращения распространения инфекционных заболеваний, душевнобольных, алкоголиков, наркоманов или бродяг;

(f) законный арест или задержание лица для предотвращения его несанкционированного въезда в страну или лица, против которого принимаются меры с целью депортации или экстрадиции.

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявленное ему обвинение.

3. Каждый арестованный или задержанный в соответствии с положениями пункта 1 (c) настоящей статьи должен быть незамедлительно доставлен к судье или другому должностному лицу, уполномоченному законом осуществлять судебную власть, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение. в ожидании судебного разбирательства. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или задержания, имеет право на судебное разбирательство, в ходе которого суд незамедлительно решает вопрос о законности его задержания и выносит постановление о его освобождении, если задержание является незаконным.

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или задержания в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию, имеющую исковую силу ».

127. Заявительница утверждала, что это положение было нарушено в связи с незаконным задержанием ее сына, отказом властей сообщить ее сыну о причинах его задержания и доставить его к судебному органу в разумные сроки, а также его неспособность возбудить дело для установления законности его содержания под стражей.

128. Правительство отрицало задержание сына заявителя.

129. Суд подчеркивает фундаментальную важность гарантий, содержащихся в статье 5, для обеспечения прав человека в демократическом государстве не подвергаться произвольному задержанию властями. В этой связи он подчеркнул, что любое лишение свободы должно не только осуществляться в соответствии с

материально-правовыми и процессуальными нормами национального законодательства, но и в равной степени соответствовать самой цели статьи 5, а именно защите человека от произвольного задержания. . Чтобы свести к минимуму риски произвольного задержания, статья 5 обеспечивает свод основных прав, предназначенных для обеспечения того, чтобы акт лишения свободы подлежал независимому судебному рассмотрению, и обеспечивает ответственность властей за эту меру.

130. Суд уже установил, что сын заявителя был задержан и увезен из своего села силами безопасности в феврале 1994 года и что в последний раз его видели в руках этих сил в военном изоляторе. Его содержание под стражей не было зарегистрировано в соответствующих журналах мест содержания под стражей, и нет никаких официальных данных о его последующем местонахождении или судьбе. По мнению Суда, этот факт сам по себе должен рассматриваться как наиболее серьезный недостаток, поскольку он позволяет лицам, виновным в акте лишения свободы, скрыть свою причастность к преступлению, замести следы и избежать ответственности за судьбу задержанный. Кроме того, отсутствие данных, регистрирующих такие вопросы, как дата, время и место задержания,

131. Суд также считает, что власти должны были осознавать необходимость более тщательного и незамедлительного расследования жалоб заявительницы на то, что ее сын был увезен при угрожающих жизни обстоятельствах и содержался под стражей силами безопасности. Однако его доводы и выводы в отношении статьи 2 выше не оставляют сомнений в том, что власти не приняли эффективных мер для защиты Мехди Акдениза от риска исчезновения.

132. Принимая во внимание эти соображения, Суд заключает, что власти не предоставили правдоподобных объяснений местонахождения и судьбы Мехди Акдениза после того, как его увезли из своей деревни, и что расследование его исчезновения не было ни быстрым, ни эффективным. . Он считает, что этот вывод подтверждается отказом органов прокуратуры принять показания сотрудников сил безопасности и их нежеланием выходить за рамки утверждения военных властей о том, что протоколы содержания под стражей показали, что Мехди Акдениз не был ни задержан, ни задержан. в заключении. В этой связи следует также учитывать недостоверность и неточность записей о заключении.

133. Соответственно, Суд считает, что Мехди Акдениз содержался под стражей без уведомления при полном отсутствии гарантий, содержащихся в статье 5, и что имело место нарушение права на свободу и личную безопасность, гарантированного этим положением.

ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

134. Заявительница жаловалась на нарушение статьи 6 Конвенции от имени ее сына на том основании, что он не проходил судебное разбирательство в независимом и беспристрастном суде, учрежденном в соответствии с законом, в случае, если власти Российской Федерации утверждали, что арест и содержание под стражей ее сына были законными и виновными в правонарушении в соответствии с национальным законодательством. Соответствующие части статьи 6 Конвенции предусматривают следующее:

«При предъявлении ему ... любого уголовного обвинения каждый имеет право на справедливое ... судебное разбирательство ... судом ...»

135. Суд отмечает, что власти Российской Федерации не утверждали, что сын заявителя был арестован или задержан на законных основаниях или что он был виновен в правонарушении в соответствии с национальным законодательством. Следовательно, жалоба заявителя по статье 6 не подлежит рассмотрению.

VI. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

136. Заявительница утверждала, что у нее не было эффективных средств правовой защиты на юго-востоке страны. Турция в отношении ее требований Конвенции. Она сослалась на статью 13 Конвенции, которая гласит:

«Каждый, чьи права и свободы, изложенные в [Конвенции], нарушены, должен иметь эффективное средство правовой защиты в национальном органе, даже если нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

137. Власти Российской Федерации, не считая отрицания фактической основы доводов заявителя, не рассматривали данную жалобу конкретно.

138. Суд напоминает, что статья 13 гарантирует доступность на национальном уровне средства правовой защиты для обеспечения соблюдения по существу прав и свобод, закрепленных в Конвенции, в какой бы форме они ни были закреплены в национальном праве. Таким образом, действие статьи 13 заключается в том, чтобы требовать предоставления внутренних средств правовой защиты для рассмотрения существа соответствующей жалобы по Конвенции и предоставления соответствующей судебной защиты, хотя Договаривающимся государствам предоставляется определенная свобода действий в отношении того, каким образом они соблюдают свои обязательства по Конвенции, в соответствии с этим положением. Объем обязательств по статье 13 варьируется в зависимости от характера жалобы заявителя в соответствии с Конвенцией. Тем не

менее, средство правовой защиты, требуемое статьей 13, должно быть «эффективным» как на практике, так и по закону.

139. Кроме того, если родственники лица имеют аргументированное заявление о том, что последнее исчезло от рук властей, понятие эффективного средства правовой защиты для целей статьи 13 влечет, помимо выплаты компенсации, где это уместно, тщательное и эффективное расследование, способное привести к установлению и наказанию виновных, включая эффективный доступ родственников к процессу расследования (см. *mutatis mutandis* вышеупомянутые постановления по делу Аксоя, Айдына и Кая, § 98, § 103 и §§ 106-107 соответственно). Суд также повторяет, что требования статьи 13 шире, чем обязательство Договаривающегося государства по статье 2 провести эффективное расследование исчезновения лица, которого в последний раз видели в руках властей (см. *Kılıç*, цитируемое выше,

140. Суд установил, что сын заявителя был увезен из своего села военнослужащими жандармерии и содержался в тайном заключении в военном изоляторе сил безопасности, и что он может считаться мертвым (см. Параграфы 82 и 101 выше). Он также установил, что страдания и душевные страдания, перенесенные заявительницей в связи с исчезновением ее сына и тем, как власти рассмотрели ее жалобу, представляют собой бесчеловечное обращение (см. Пункт 124 выше). Таким образом, жалобы по статьям 2, 3 и 5 явно аргументированы для целей статьи 13 Конвенции (см. Решение по делу *Boyle and Rice v. The United Kingdom* от 27 апреля 1988 г., Series A, т. 131, § 52, вместе с *Kaya and Yaşa*, § 107 и § 113, соответственно, упомянутые выше).

141. Таким образом, власти были обязаны провести эффективное расследование исчезновения Мехди Акдениза. Принимая во внимание свои выводы по статье 2 (см. Параграфы 106-112 выше), Суд заключает, что эффективное расследование жалоб заявителя в соответствии со статьей 13 не проводилось.

142. Соответственно, имело место нарушение статьи 13 Конвенции.

VII. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 14 КОНВЕНЦИИ

143. Заявительница жаловалась на то, что она и ее сын подверглись дискриминации на основании их курдского происхождения в нарушение статьи 14 Конвенции, которая гласит:

«Осуществление прав и свобод, изложенных в [Конвенции], должно обеспечиваться без дискриминации по любому признаку, например, по полу, расе, цвету кожи, языку, религии, политическим или другим убеждениям, национальному или социальному происхождению, принадлежности к национальному меньшинству, имуществу, рождению или другой статус».

144. Правительство не решило эти вопросы, кроме отрицания фактической основы существенных жалоб.

145. Принимая во внимание свои выводы по статьям 2, 3 и 13 выше, Суд не считает необходимым определять, подвергались ли заявитель и ее сын также дискриминационному обращению при осуществлении своих прав, предусмотренных Конвенцией.

VIII. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

146. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд установит, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, и если внутреннее право соответствующей Высокой Договаривающейся Стороны допускает только частичное возмещение, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшая сторона ».

A. Материальный ущерб

147. Заявительница утверждала, что ее сыну на момент исчезновения было 22 года, и, как старший сын в семье, он заботился о семье. Он был фермером и вместе со своей семьей занимался скотоводством. В результате его исчезновения семья была лишена его заработка в размере 67 838 евро.

148. Власти Российской Федерации утверждали, что причинно-следственная связь между ущербом, заявленным заявительницей, и ее жалобами отсутствует. Кроме того, Правительство оспорило применимость актуарных таблиц, на которые ссылался заявитель, которые были разработаны для использования в Объединенное Королевство. Они также утверждали, что требуемая сумма была чрезмерной и необоснованной. Наконец, Правительство утверждало, что суммы, присужденные Судом, не должны вести к неосновательному обогащению.

149. Что касается требования заявителя о потере заработка, прецедентная практика Суда установила, что должна существовать четкая причинно-следственная связь между ущербом, заявленным заявителем, и нарушением Конвенции, и что в соответствующих случаях это может включать компенсацию уважение к потере заработка (см., среди прочего, дело Барбера, Мессеги и Хабардо против Испании (статья 50), решение от 13 июня 1994 г., Series A, № 285-C, стр. 57-58, §§ 16-20 , и Çakıcı, упомянутое выше, § 127). Суд установил (см. Параграфы 101-102 выше), что власти несут ответственность в соответствии со статьей 2 Конвенции за смерть сына заявителя. Он также отмечает, что утверждение заявительницы о том, что ее сын ухаживал за семьей, не оспаривалось властями Российской Федерации. В этих обстоятельствах

150. В свете вышеизложенного Суд, принимая решение на справедливой основе, присуждает заявителю сумму в размере 16 500 евро. Он считает, что эта сумма должна быть конвертирована в новые турецкие лиры (YTL) по курсу, действующему на дату платежа.

Б. Моральный вред

151. Заявитель, не указывая сумму, также потребовал компенсации морального вреда.

152. Власти Российской Федерации утверждали, что в присуждении какой-либо компенсации морального вреда не было необходимости, поскольку, по их мнению, любое установление нарушения обеспечило бы достаточную компенсацию.

153. Суд отмечает, что он установил, что власти несут ответственность за смерть сына заявителя, а также за жестокое обращение, которому он подвергался как до, так и во время его непризнаваемого задержания. Помимо нарушения статей 2, 3 и 5 в этих отношениях, Суд также установил, что власти не провели эффективного расследования или не предоставили средства правовой защиты в отношении этих нарушений, что противоречит процессуальным обязательствам, предусмотренным статьей 2 Закона. Конвенции и в нарушение статьи 13 Конвенции. В этих обстоятельствах и с учетом компенсации, присужденной в сопоставимых делах, Суд на справедливой основе присуждает заявительнице сумму в 20 000 евро в качестве компенсации морального вреда, которую она причитает наследникам ее умершего сына.

154. Он также присуждает заявителю 13 500 евро в качестве компенсации морального вреда, причиненного ей в ее личном качестве в связи с нарушением статей 3 и 13 Конвенции.

155. Наконец, Суд определяет, что вышеуказанные суммы должны быть конвертированы в новые турецкие лиры по курсу, действующему на дату платежа.

С. Издержки и расходы

156. Заявитель потребовал 8 479,39 евро и 6 457,50 фунтов стерлингов в качестве компенсации гонораров и расходов, понесенных при подаче заявления. Ее претензия включала:

а) 5 582,50 фунтов стерлингов на гонорары ее адвокатов, работающих в Курдском правозащитном проекте (KHRP) в объединенное Королевство;

(b) 4 410,91 евро на гонорары ее адвокатов, базирующихся в Турции;

(c) 875 фунтов стерлингов в качестве компенсации административных расходов, понесенных адвокатами из Соединенного Королевства; и

(d) 4 068,48 евро на административные расходы, понесенные юристами, находящимися в Турция.

157. В обоснование своих требований о возмещении гонорара своим адвокатам заявительница представила подробный график расходов.

158. Власти Российской Федерации утверждали, что заявительница не представила никаких документов в поддержку своего запроса о гонорарах и расходах, понесенных ее адвокатами на основании Турция. Они утверждали, в частности, что заявитель не представил никаких счетов за телефонные разговоры, факс, почтовые и канцелярские расходы.

159. Что касается требования заявительницы о возмещении гонораров и расходов, понесенных ее адвокатами, нанятыми КПЧ, Правительство утверждало, что нет никаких оснований для присуждения компенсации расходов и издержек КПЧ.

160. Принимая во внимание вышеуказанные суммы и делая свою собственную оценку на основе доступной информации, Суд присуждает заявителю 15000 евро в качестве компенсации судебных издержек и расходов, плюс любые налоги, которые могут взиматься, которые должны быть уплачены в фунтах стерлингов на банковский счет представителя заявителя в Соединенном Королевстве, указанные заявителем.

D. Процентная ставка

161. Суд считает целесообразным, чтобы проценты за просрочку платежа основывались на предельной кредитной ставке Европейского центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД

1. Постановил единогласно, что имело место нарушение статьи 2 Конвенции в связи с предполагаемой смертью сына заявительницы;

2. Единогласно постановил, что имело место нарушение статьи 2 Конвенции в связи с неспособностью властей государства-ответчика провести адекватное и эффективное расследование исчезновения сына заявителя и его последующей предполагаемой смерти;
3. Постановляет единогласно, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении обращения, которому подвергся сын заявителя во время ареста и во время содержания под стражей;
4. Постановил единогласно, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении заявителя;
5. Постановил единогласно, что имело место нарушение статьи 5 Конвенции в отношении сына заявителя;
6. Постановил единогласно, что нет необходимости рассматривать жалобу в соответствии со статьей 6 Конвенции;
7. Постановил единогласно, что имело место нарушение статьи 13 Конвенции в отношении заявительницы и ее сына;
8. Постановил единогласно, что нет необходимости определять, имело ли место нарушение статьи 14 Конвенции;
9. Постановил шестью голосами против одного.
 - (a) что государство-ответчик должно выплатить заявителю материальный ущерб в течение трех месяцев с даты вступления судебного решения в законную силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции в размере 16 500 евро (шестнадцать тысяч пятьсот евро) и любые налоги, которые могут взиматься с этой суммы, должны быть конвертированы в новые турецкие лиры по курсу, действующему на дату расчета;
 - (b) что государство-ответчик должно выплатить заявителю в качестве компенсации морального вреда в течение того же трехмесячного периода следующие суммы, которые должны быть конвертированы в новые турецкие лиры по курсу, действующему на дату урегулирования:
 - (i) 20 000 евро (двадцать тысяч евро) наследникам ее умершего сына;
 - (ii) 13 500 евро (тринадцать тысяч пятьсот евро) в ее личном качестве; и
 - (iii) любые налоги, которые могут взиматься с вышеуказанных сумм;

(с) что государство-ответчик должно выплатить заявителю в течение того же трехмесячного периода на банковский счет, указанный ею в Соединенном Королевстве, 15000 евро (пятнадцать тысяч евро) в качестве компенсации судебных издержек и расходов вместе с любыми налог на добавленную стоимость, который может взиматься и конвертироваться в фунты стерлингов по курсу, действующему на дату расчета;

(d) что по истечении вышеупомянутых трех месяцев до момента выплаты простые проценты будут выплачиваться на вышеуказанные суммы по ставке, равной предельной кредитной ставке Европейского центрального банка в течение периода неисполнения обязательств, плюс три процентных пункта;

10. Отклоняет единогласно остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке с письменным уведомлением 31 мая 2005 г. в соответствии с Правилom 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Майкл О'Бойл
Регистратор

Николас Братца
Президент

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к настоящему постановлению прилагается следующее частично особое мнение г-на Гельчюкю.

НБМОБ

ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ГЁЛЬКЮКЛЮ

(Перевод)

К моему большому сожалению, я не разделяю точку зрения большинства относительно применения статьи 41 в отношении присужденной компенсации морального вреда. Позвольте мне объяснить.

Я предполагаю, что большинство рассудило так, будто пропавший сын жив. В этом случае [заявителю] обязательно была бы присуждена компенсация морального вреда.

К сожалению, однако, пропавший сын считается мертвым. Он не был женат; у него не было ни жены, ни ребенка. Соответственно, его наследники получили вместо него 20 000 евро. Согласно материалам дела, единственным наследником является не кто иной, как его мать, другими словами, заявитель (см. Пункт 152 решения).

Однако в то же время заявительнице по той же причине было присуждено 13 500 евро «в ее собственном праве» (см. Параграф 153).

Таким образом, заявителю были предоставлены две отдельные, но совокупные компенсации в отношении одного и того же события. Это вывод, с которым я не могу согласиться, и это не что иное, как чистые предположения и предположения.